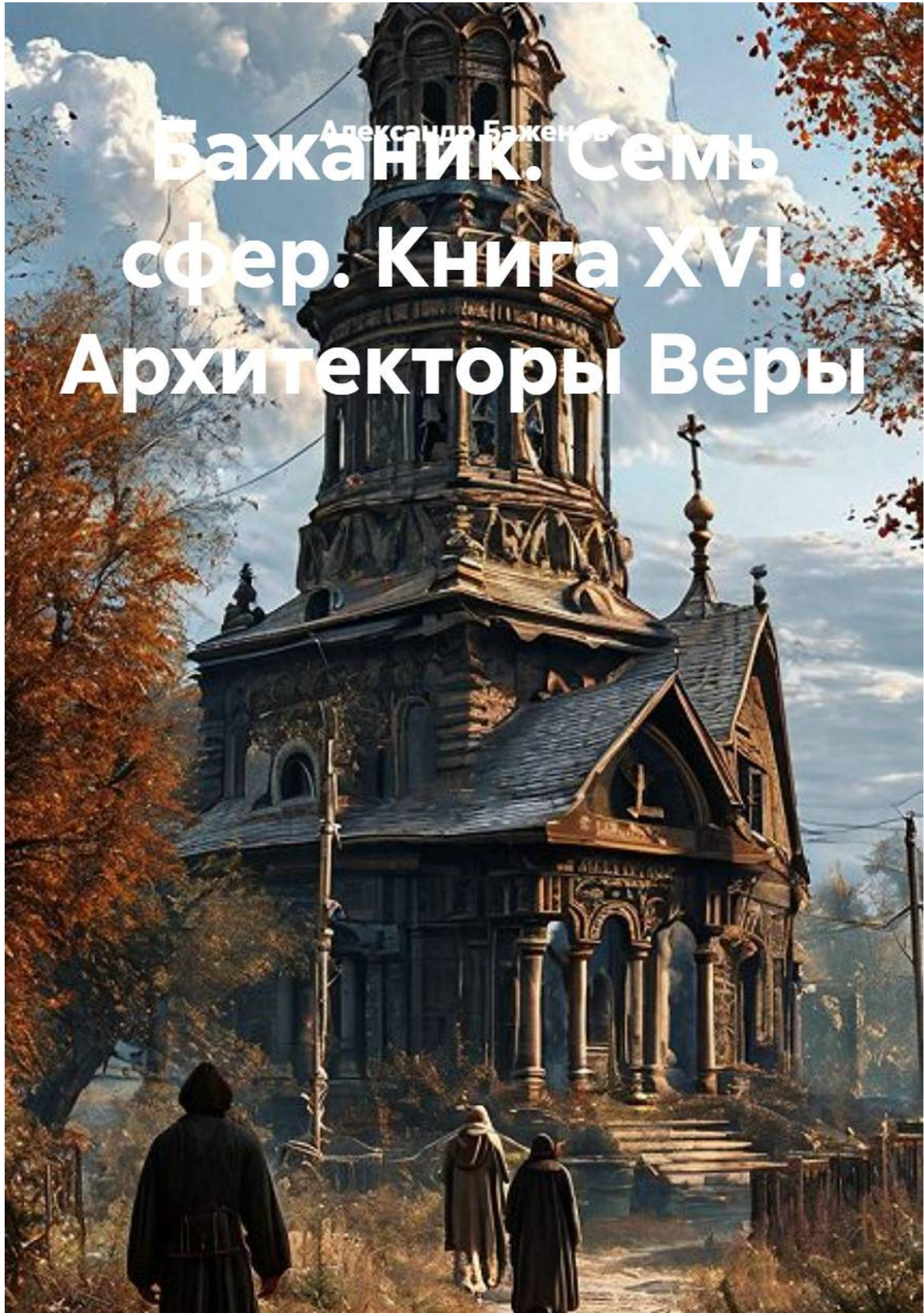

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер. Книга XVI. Архитекторы Веры

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер. Книга
XVI. Архитекторы Веры**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. Книга XVI. Архитекторы Веры /
А. Н. Баженов — «Автор», 2026

В Ольховке звонят колокола без звонарей. Бывший священник теряет веру, пациенты ссорятся из-за Бога, а Артём видит семь нитей, натянутых над миром. Одна из них, багровая, дрожит — и эта дрожь отдаётся во всех храмах Земли. Такшака рассказывает о Семи Архонтах Веры — древних сущностях, стоящих за мировыми религиями. Когда-то они несли свет, но один из них пал. Демиург Разделения, бывший самым ревностным, теперь нащёптывает людям: «Только твой путь правилен». Инквизиция, джихад, касты, религиозные войны — всё это его голос. Артём и Алиса отправляются в путешествие по мирам Веры. Им предстоит пройти семь путей, увидеть свет и тень каждой традиции, разбудить Странника — Дух Единства, изгнанного тысячелетия назад, — и встретиться с самой Тьмой. Потому что исцелить Веру можно только одним способом: перестать делить и начать любить.

Содержание

Глава 1. Зов Колокола	5
Глава 2. Семь Лучей Истины	6
Глава 3. Индуизм: Танец Шивы	7
Глава 4. Иудаизм: Завет и Закон	8
Глава 5. Буддизм: Колесо и Пустота	9
Глава 6. Даосизм и Конфуцианство: Путь и Порядок	10
Interlude: Сны Архонтов	11
Глава 7. Христианство: Крест и Свет	12
Глава 8. Ислам: Предание и Мир	13
Interlude: Письма из Ольховки	14
Глава 9. Седьмой Архонт: Синтез и Ересь	15
Глава 10. Тёмный Храм: Изнанка Веры	16
Глава 11. Суд Света	17
Глава 12. Разговор с Тьмой	18
Глава 13. Исцеление Веры	19
Глава 14. Вера как Дар	20
Эпилог. Год спустя	21
Словарик терминов шестнадцатой книги	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Бажаник. Семь сфер. Книга XVI. Архитекторы Веры

Глава 1. Зов Колокола

Покой после исцеления Времени. Бабушкины часы и странный ритм. Колокола, звонящие без звонарей. Отец Михаил — священник, потерявший веру. Спор учеников о Боге. Сон Артёма: багровая фигура и Странник в пустыне.

О Вере как стихии и трёх её аспектах; о пальце и луне.

Глава 2. Семь Лучей Истины

Большой Совет в Шамбале. Явление семи Архонтов Веры. Ригден Джапо рассказывает о природе Веры и семи путях. Видение падения Демиурга: как ревность об Истине превратилась в одержимость. Решение отправиться в путешествие по мирам Веры.

О семи лучах, семи сферах и едином Свете; о природе Архонтов.

Глава 3. Индуизм: Танец Шивы

Акаша-Ганга — небесная река. Встреча с Натараджей. Свет: бхакти, йога, ахимса. Тень: касты, ритуал без сердца. Спор брахмана и садху у постели умирающего шудры. Алиса рисует Шиву, танцующего между ними. Дамару — дар первого Архонта. Зажжение первого светильника.

О карме, дхарме и кастах; о Муладхаре как корне всех путей.

Глава 4. Иудаизм: Завет и Закон

Небесный Иерусалим. Встреча с Кетер-Малхутом. Свет: Завет, Тора, пророки, тиккун олам. Тень: закон без сердца, шива по живой дочери. Алиса рисует пустой стул — и стул становится полным. Свиток Торы — дар второго Архонта. Зажжение второго светильника.

О Законе и Сердце; о каббалистическом Древе Жизни; о пророчестве и времени.

Глава 5. Буддизм: Колесо и Пустота

Озеро без ряби. Встреча с Дхармачакрой. Свет: Четыре Благородные Истины, Восьмеричный Путь, сострадание. Тень: пассивность, бегство от мира. Спор старого монаха и молодого. Бодхисаттва на пороге нирваны. Кристалл — дар третьего Архонта. Зажжение третьего светильника.

О Пустоте и Сострадании; о Тонглен и Анахате; о Срединном Пути.

Глава 6. Даосизм и Конфуцианство: Путь и Порядок

Горы в тумане. Встреча с Инь-Яном. Свет: Дао, у-вэй, Ли, гармония. Тень: пассивность и догматизм. Наводнение в долине: даос и конфуцианец спорят, а деревня тонет. Стих Лао-Цзы — дар четвёртого Архонта. Зажжение четвёртого светильника.

О Дао и Ли; о внутренней алхимии и ци; о гармонии и равновесии.

Interlude: Сны Архонтов

Шестеро Светлых Архонтов видят один и тот же сон: Демиург без маски, танец единства, прощение. Каждый просыпается с вопросом: «Неужели это возможно?»

Глава 7. Христианство: Крест и Свет

Галилея. Встреча с Логосом. Свет: Рождество, Нагорная проповедь, Воскресение. Тень: инквизиция, крестовые походы, Марта на костре. Восемь клейм Алисы. Крест Франциска — дар пятого Архонта. Зажжение пятого светильника.

О Логосе и Кресте; об исихазме; о Франциске и тени христианства.

Глава 8. Ислам: Предание и Мир

Пустыня Руб аль-Хали. Встреча с Саламом. Свет: таухид, зикр, суфизм, золотой век. Тень: джихад как война, такфир. Воин и суфий: один Коран — два прочтения. Коврик Руми — дар шестого Архонта. Зажжение шестого светильника.

О Таухиде и предельном монотеизме; о суфизме и вахдат аль-вуджуд; о джихаде и иджтихаде.

Interlude: Письма из Ольховки

Письма учеников: Людмила — о страхе и надежде. Сергей — о музыке как молитве. Георгий — о встрече с проповедником. Михаил — об объятии с мусульманином. Голоса Земли, прорастающие светом.

Глава 9. Седьмой Архонт: Синтез и Ересь

Пустыня Единства. Встреча со Странником. Его изгнание, его усталость, его сомнение: «Может быть, они правы?» Недостроенный мост. Семь даров, сложенные в круг. Зажжение седьмого светильника — белым светом.

О философии вечного странника; о Сахасраре и единстве; о ереси как пророчестве.

Глава 10. Тёмный Храм: Изнанка Веры

Семь залов: Инквизитор, Фанатик, Кастовый жрец, Законник, Монах, Чиновник. Зеркала, отражающие войны. Встреча с Демиургом. Его спор: «Если все пути равны, зачем искать?» Момент сомнения. Алиса рисует человека на распутье. Демиург берёт её за руку. Храм начинает рушиться — и преображаться.

О природе Демиурга; о парадоксе защиты Истины; о проекции тени.

Глава 11. Суд Света

Суд в Зале Совета. Шесть Архонтов называют свою боль по имени. Логос говорит: «Я прощаю». Странник говорит: «У меня нет условий». Голоса людей: Людмила, Сергей, Георгий, Михаил. Демиург на коленях. Восьмой светильник зажжён.

О прощении и справедливости; о тишине и покаянии.

Глава 12. Разговор с Тьмой

Ядро Тёмного Храма. Голоса жертв: Марта, шудра, отец из Иерусалима, юноша-воин, еретик. Спор Демиурга: «Если все пути равны, это обесценивает веру». Ответ Артёма о горе и тропах. Семь сфер зажигаются. Трон рассыпается. Надписи на стенах меняются.

О покаянии и искуплении; о Маймониде и тишве; о букве и духе.

Глава 13. Исцеление Веры

Всеобщее видение: восемь Архонтов в небе над Землёй. Реакция людей: от узнавания до отрицания. Семя посеяно. Архонты прощаются. Странник и бывший Демиург уходят строить мост. Рисунок Алисы: мост из света с семью пролётами.

О всеобщем откровении; о кинцуги Веры; о горчичном зерне.

Глава 14. Вера как Дар

День Единства в яблоневоm саду. Трапеза за одним столом. Михаил обретаеt веру — не как священник, а как человек. Рисунок Алисы «Вера»: человек на пороге, и Бог держит его за руку. Радуга над садом. Шестнадцать колец — и семнадцатое, белое.

О пальце и луне — последнее; о вере как довериш; о даре и принятии.

Эпилог. Год спустя

Хоспис Михаила. Дни Единства стали традицией. Мост всё ещё строится. Ученики разъехались, но каждое воскресенье возвращаются. Картина «Единый Свет» висит под дубом. Артём и Алиса на крыльце.

Послесловие автора

Обращение к читателю. Чему мы научились за шестнадцать книг. Почему Вера — это дар, а не оружие. Благодарность.

Послесловие от Алисы

О красоте, рисунке и молитве без слов. О том, как искусство исцеляет.

Словарик терминов шестнадцатой книги

Архонты Веры, Архитекторы, Ахимса, Бодхисаттва, Брахман, Вахдат аль-вуджуд, Вера, Восьмеричный Путь, Демиург, Джихад, Дхарма, Дхармачакра, Завет, Зикр, Иджтихад, Инь-Ян, Исихазм, Ихсан, Йога, Каббала, Карма, Касты, Кетер-Малхут, Коран, Крест, Ли, Лифним ми-шурат ха-дин, Логос, Махаяна, Натараджа, Нирвана, Религия, Салам, Странник, Сутра Сердца, Суфизм, Таклид, Такфир, Таухид, Тиккун олам, Тонглен, Тора, Тшува, У-вэй, Умма, Хинаяна, Храм (Тёмный), Шахада, Шуньята, Эмуна, Ян.

Предисловие автора

Дорогой читатель!

Когда-то давно, в самом начале этого пути, я и представить не мог, что он приведёт нас сюда — к порогу самой глубокой и противоречивой из всех сил, движущих человечеством. Тогда, в первой книге, я только учился пробуждать сферы. Теперь, шестнадцать книг спустя, мы стоим перед Верой — не как перед абстрактной идеей, а как перед живой реальностью, у которой есть свои Хранители, свои Архитекторы и свои тени.

Эта книга — о религиях. О семи великих традициях, которые вели человечество к Свету на протяжении тысячелетий. Индуизм — древнейший корень. Иудаизм — завет и закон. Буддизм — путь освобождения. Даосизм и конфуцианство — гармония с Дао и порядок ритуала. Христианство — любовь, ставшая плотью. Ислам — предание себя Богу. И над всем этим — Дух Единства, Странник, который говорил на всех языках одну истину: «Бог един, и путей к Нему много».

Но эта книга — и о тени. О том, как свет искажается, проходя через призму человеческой гордыни. Как любовь к Истине превращается в одержимость своей правотой. Как вера, призванная соединять, становится оружием разделения. Инквизиция и джихад, касты и проклятия, религиозные войны и нетерпимость — всё это тень, которую отбрасывает свет, когда человек ставит между собой и Источником своё эго.

«Всему своё время, — говорил Экклезиаст. — Время разбрасывать камни и время собирать камни. Время войне и время миру». Сейчас — время собирать камни. Время, когда Архонты Веры должны встретиться со своей тенью. Время, когда Демиург Разделения должен вспомнить, кем он был до падения. Время, когда мы все должны понять: не важно, как мы называем Бога. Важно, делает ли нас наша вера добрее. Ко всем. Без исключений.

В эзотерических традициях Вера считается одной из высших сил. В индуизме — это шраддха, доверие, без которого невозможно познание. В буддизме — это одна из пяти способностей, ведущих к просветлению. В христианстве — это дар Святого Духа. В исламе — это иман, без которого дела мертвы. В иудаизме — это эмуна, верность Завету. Во всех традициях Вера — это не знание. Это доверие. Доверие тому, что тебя держат за руку. Даже когда ты этого не чувствуешь.

Я писал эту книгу для тех, кто когда-либо сомневался. Для тех, кто терял веру и боялся, что никогда не найдёт её снова. Для тех, кто ищет — не обязательно в религии, но в жизни. Для всех нас. Потому что каждый из нас — немного Демиург. Каждый из нас когда-то считал себя правым и осуждал других. Но эта книга — не об осуждении. Она — о надежде. О том, что даже самая глубокая тень может стать светом. О том, что мосты между традициями можно построить. О том, что Вера — это не оружие. Это дар.

Добро пожаловать в миры Веры. Добро пожаловать в путешествие, которое изменит не только Архонтов, но и нас самих. Добро пожаловать домой.

С любовью,

Артём

Предисловие от Алисы

Дорогой читатель!

Артём написал мудрые слова, как всегда. А я хочу добавить несколько слов от художницы. О красоте. О рисунке. О том, как искусство может быть молитвой.

Когда мы идём через миры Веры, я рисую. Не для того, чтобы запечатлеть увиденное, — хотя и для этого тоже. А для того, чтобы понять. Когда я рисую Шиву, я становлюсь частью его танца. Когда я рисую Тору, буквы начинают светиться. Когда я рисую Бодхисаттву, я чувствую, как он оборачивается на пороге нирваны — и выбирает любовь.

Рисунок — это мой способ говорить с Богом. Без слов. Без догм. Без посредников. Просто — свет на бумаге. И я верю, что у каждого из вас есть свой способ. Не обязательно рисовать. Можно петь, как Сергей. Можно печь хлеб, как Вера и Екатерина. Можно лечить, как Артём. Можно просто быть рядом с теми, кому больно. Всё это — молитва. Всё это — вера.

Эта книга — о том, что красота может исцелять. Что искусство может строить мосты. Что свет, запечатлённый на холсте, остаётся там навсегда — и продолжает светить даже тогда, когда художник уже ушёл.

Добро пожаловать в путешествие. Берите с собой альбом и пастель. Или гитару. Или просто открытое сердце. Этого достаточно.

С любовью,

Алиса

Глава 1. Зов Колокола

Река времени не терпит запруд. Но река веры течёт иначе: она может уйти под землю, скрыться в песках, замёрзнуть — и всё же пробиться снова. Только вот пробивается она порой не родником, а наводнением.

Из домашних записей бабушки Артёма

Сентябрь пришёл в Ольховку запахом антоновских яблок и дымом сожжённой ботвы. Сад стоял в золоте и багрянце, и по утрам трава была седой от инея — первого в этом году. Я любил это время. В нём чувствовалась зрелость, завершённость, тихая мудрость прожитого года.

После исцеления Времени и возвращения Септимуса в круг Хранителей прошло пять месяцев. Жизнь в Ольховке текла ровно, как и положено течь жизни, когда её не лихорадит ни стихийными бедствиями, ни временными разломами. Часы на каминной полке исправно отмеряли секунды — слева направо, как им и положено. Рисунки Алисы оставались такими же, как вчера. Пациенты приходили и уходили, и среди них больше не было тех, кто помнит будущее или живёт две жизни одновременно.

Но покой — странная вещь. Бабушка говорила: «Покой — это не когда ничего не происходит. Это когда ты готов ко всему, что происходит». И, наверное, поэтому, когда сентябрьским утром я проснулся с ощущением тревоги, я не удивился. Просто отметил: «Начинается».

— Тоже чувствуешь? — спросила Алиса, не открывая глаз.

Она лежала рядом, и её рука, как всегда по утрам, покоилась на моей груди — там, где пульсировала Анахата, сердечная сфера. Я накрыл её ладонь своей. Её пальцы были тёплыми, но я чувствовал лёгкую дрожь — ту самую, что появлялась у неё в моменты предчувствия.

— Да. Но не могу понять, что именно. Не стихии. Не время.

— Вера, — прошептала она и открыла глаза. — Что-то с Верой.

— С чьей верой?

— Со всеми. Сразу.

Я закрыл глаза и активировал Аджну. Синяя сфера между бровей раскрылась, и мир предстал передо мной в своей энергетической структуре. Стихии были спокойны: красная Земля, оранжевая Вода, жёлтый Огонь, зелёный и голубой Воздух, синий Эфир, фиолетовый Свет — всё текло ровно, без турбулентностей. Время тоже было цело, и золотые нити кинцуги, вплетённые в его ткань, сияли мягко и умиротворённо.

Но появилось что-то новое. Семь тонких нитей — не стихийных, не временных — тянулись от земли к невидимому источнику. Они были натянуты, как струны, и дрожали. Каждая нить резонировала с определённой сферой — я чувствовал это отчётливо. Первая, красная, пульсировала в такт Муладхаре. Вторая, оранжевая, вибрировала на частоте Свадхистханы. Третья, жёлтая — Манипура. Четвёртая, зелёная — Анахата. Пятая, голубая — Вишудха. Шестая, синяя — Аджна. Седьмая, фиолетовая — Сахасрара.

Но одна из них — крайняя справа, багровая, соответствующая Сахасраре, связи с Высшим, — была темнее остальных. Не чёрной — скорее, цвета запёкшейся крови. И она гудела. Гул был низким, почти инфразвуковым, и от него вибрировала не только Сахасрара, но и Муладхара — самая первая, самая земная из сфер. Как будто болезнь на вершине отдавалась болью в корне.

— Семь религий, — прошептал я. — Или семь сил, которые стоят за ними. И одна из них больна. Или пробудилась. Или и то, и другое.

Мы спустились в кухню. Солнце только-только поднялось над яблонями, и его лучи, проходя сквозь осеннюю листву, окрашивали комнату в тёплый янтарный цвет. Я по привычке завёл бабушкины часы — хотя они и так шли исправно, — и вдруг заметил, что маятник качается неровно. Не в обратную сторону, как тогда, в апреле, а с каким-то дополнительным, едва заметным толчком, как будто к нему добавили ещё один, параллельный ритм.

— Слышишь? — спросила Алиса.

— Что?

— Колокол. Где-то далеко.

Я прислушался. Сначала ничего не было — только ветер в листве да далёкий лай собаки. Но потом, краем уха, я уловил низкий, густой звон. Он шёл не извне — скорее, изнутри. Как будто колокол звонил не в воздухе, а прямо в сознании.

— Это не обычный колокол, — сказал я. — Это...

— Зов, — закончила Алиса. — Только я не знаю, куда зовут. И кто.

Мы вышли из дома. Утро было холодным, и пар от дыхания смешивался с туманом, стелившимся над землёй. Я направился к старой церкви на окраине Ольховки — туда, где когда-то служили ещё при бабушке, а теперь церковь стояла закрытой, ожидая редких приездов священника из соседнего села.

Дверь была приоткрыта. Внутри — пустота, полумрак, запах старого ладана и воска. И звон. Здесь он звучал громче — низкий, вибрирующий, наполняющий всё пространство. Колокола на звоннице молчали — я проверил, выйдя во двор и задрав голову. Но звон продолжался.

— Они звонят без звонарей, — прошептала Алиса. — Как тогда, с часами.

— Нет, — ответил я, активируя Аджну. — Иначе. Часы шли вспять, потому что время было ранено. А это... это не рана. Это крик. Крик самой Веры.

В воздухе над алтарём я увидел ту самую багровую нить. Она входила прямо в церковный купол и дрожала так сильно, что, казалось, вот-вот лопнет. И от неё расходились волны — невидимые глазу, но ощутимые сердцем. Каждая волна была как беззвучный колокольный удар.

— Кто-то зовёт на помощь, — сказала Алиса. — Не Бог. Не люди. Что-то между ними.

— Архонт, — произнёс я. Слово вырвалось само, из глубин памяти — не моей, может быть, родовой, коллективной, той, что хранится в Муладхаре каждого человека. — Архитектор Веры.

В тот же день, ближе к полудню, в Ольховку пришёл новый пациент. Он не записывался заранее, не звонил — просто появился у калитки, высокий, сутулый человек в потёртом пальто, с седой бородой и глазами, в которых плескалась такая глубокая усталость, какая бывает только у тех, кто долго нёс непосильную ношу — и вдруг уронил её.

— Вы Артём? — спросил он. Голос у него был низкий, с хрипотцой, как у человека, который много проповедовал в сырых церквях.

— Да. А вы?

— Отец Михаил. То есть... — Он осёкся и поправил себя: — Просто Михаил. Уже не отец. Уже никто.

Я провёл его в дом. Он сел на стул — тот самый, где до него сидели сотни пациентов, — и долго молчал, глядя в окно. Алиса налила ему чаю с ромашкой — она всегда заваривала ромашку для тех, кто приходил с болью, — и он взял чашку обеими руками, как будто греясь о неё.

— Я служил в церкви тридцать лет, — заговорил он наконец. — В маленьком приходе, в соседней области. Небольшой храм, три деревни, человек двести постоянных прихожан. Я крестил, венчал, отпевал, исповедовал. Всё как положено.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Мальчик, — ответил он, и его голос дрогнул. — Год назад. Семи лет. Рак. Родители пришли ко мне, просили молиться. Я молился. Каждый день. Постился. Служил молебны. Я обещал им, что Бог услышит, что чудо возможно. А мальчик умер. И когда он умер, его мать посмотрела на меня — не со злобой, нет. С пустотой. Она сказала: «Где был твой Бог, отец Михаил?»

Он замолчал. Алиса не прерывала молчания — она знала, что иногда тишина лечит лучше слов.

— И я не нашёлся, что ответить, — продолжил он. — Все слова, которые я говорил тридцать лет, — «Бог дал, Бог взял», «пути Господни неисповедимы», «он теперь в раю» — показались мне пустыми. Я смотрел на эту женщину и не мог произнести ни слова. Потому что сам больше не верил в то, что хотел сказать.

— И вы ушли?

— Не сразу. Ещё полгода служил. Механически. Как робот. Крестил, венчал, отпевал. Но внутри была пустыня. А потом, месяц назад, я проснулся и понял: не могу. Просто не могу больше. Снял рясу, сложил в чемодан, написал прошение и ушёл. Тридцать лет — и ничего. Пустота.

Он поднял глаза, и я увидел в них то, что видел у многих пациентов: не отсутствие веры, а рану. Веру не потеряли — её вырвали.

— А колокола? — спросила Алиса. — Вы слышите колокола?

Отец Михаил вздрогнул.

— Откуда вы знаете?

— Мы тоже слышим.

— Я слышу их уже месяц, — прошептал он. — Каждую ночь. Все колокола мира — в церквях, в мечетях, в буддийских храмах, даже в синагогах, где вообще нет колоколов. Они звонят. Без звонарей. Сами. Я думал, схожу с ума.

— Не сходите, — сказал я. — Это не безумие. Это симптом.

Я закрыл глаза и активировал Аджну. Теперь я смотрел не на мир — я смотрел на отца Михаила. И увидел то, чего не ожидал: его вера действительно ушла, но на её месте не было пустоты. Там была рана — тонкая, кровоточащая, багровая, похожая на ту трещину во Времени, которую мы исцеляли несколько месяцев назад. И от этой раны тянулась нить — та самая, багровая, дрожащая, уходящая куда-то вверх, за пределы видимого.

— Ваша вера не умерла, — сказал я. — Она ранена. Кем-то или чем-то. Как будто кто-то вырвал её — не естественным путём, а насильно.

— Но кто может вырвать веру? — прошептал он. — Это же не зуб. Это... душа.

— Тот, кто стоит за верой, — ответил я. — Или за её искажением.

О Вере как стихии и трёх её аспектах

Что есть вера? Не религия, не конфессия, не свод догматов — а сама способность человека верить невидимому? Древние различали три аспекта веры. Первый — «эмуна» на иврите, «шраддха» на санскрите: глубинное доверие, связь с Божественным, которая не зависит от обстоятельств. Это вера Иова, который говорил: «Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться». Второй — «пистис» на греческом: убеждение, доктрина, исповедание. Это вера апостола Павла, который проповедовал Воскресение. Третий — «религио» на латыни: связь, общность, принадлежность к традиции. Это вера прихожанина, который ходит в храм, потому что так делали его предки.

Все три нужны. Доверие без убеждения — бесформенно. Убеждение без принадлежности — одиноко. Принадлежность без доверия — мертва. Беда начинается тогда, когда одно подменяет другое. Когда принадлежность к «правильной» группе становится важнее живых отношений с Богом. Когда убеждение превращается в догму. Когда доверие без различения становится легковерием.

«Религия — это палец, указывающий на луну, — говорил Будда. — Не путайте палец с луной». Но именно это человечество делало снова и снова — путало палец с луной, храм с Богом, ритуал с верой. И сейчас, в Ольховке, отец Михаил стал жертвой этой путаницы. Его палец сломался — а луну он перестал видеть. Но луна никуда не делась.

Вечером мы собрали совет под старым дубом. Пришли Такшака, Адитья, Синга. Пришли Архитектор и Маара. Пришли Эринии. Пришла Чхая. Пришли ученики — Людмила, Сергей, Анна, Екатерина, Вера, Георгий. Отец Михаил сидел в стороне, всё ещё чувствуя себя чужим.

Я рассказал о семи нитях, о багровой дрожи, об отце Михаиле и колоколах без звонарей.

Такшака, как всегда, слушал молча, перебирая пальцами кольца на хвосте. Когда я закончил, он поднял голову, и его вертикальные зрачки сузились.

— Семь Архонтов Веры, — произнёс он. — Я надеялся, что никогда не услышу этого имени вновь.

— Ты знаешь о них?

— Больше, чем хотел бы. Когда-то, тысячи лет назад, когда мир был юн, а Наги только начинали хранить Врата, я встречал одного из них. Это был Натараджа, Танцующий Шива — Архонт индуизма. Он танцевал свой танец на заре времён, и его танец был прекрасен — разрушение и созидание, смерть и рождение, всё в одном круговороте. Но даже тогда я чувствовал в нём двойственность: как будто в его танце боролись два начала. Одно — освобождающее. Другое — порабощающее.

— Что ты хочешь сказать?

— Что Архонты — не добрые и не злые. Они — как сферы: могут быть пробуждены к свету, а могут быть искажены. Каждая религия несёт в себе зерно освобождения — и зерно рабства. И от того, какое зерно прорастёт, зависит судьба целых цивилизаций.

Тут заговорила Людмила — тихо, как всегда, но в её голосе звучала сталь:

— Я знаю эту рану. Я выросла в верующей семье. Моя бабка каждое воскресенье ходила в церковь, ставила свечи, молилась. И дома у неё был красный угол — с иконами, с лампадкой. Но когда моя мать заболела, священник сказал: «Это Божья кара. Молись и терпи». Мать терпела — и умерла. А бабка после этого не перестала верить, но что-то в ней сломалось. Она больше никогда не улыбалась.

Сергей, сидевший рядом с гитарой, добавил с неожиданной резкостью:

— А я вообще атеист. Или был им. Когда я весил сто пятьдесят кило и думал, что подыхаю, я проклинал Бога. В которого не верил. А потом пришёл к вам и понял: Бог тут ни при чём. Дело было во мне. Но я до сих пор не знаю, есть ли Бог. И если есть — зачем Ему всё это? Зачем Ему рак у детей, войны, инквизиция?

— Может, это не Его рук дело? — тихо сказал Георгий. — Может, это мы сами?

Он помолчал и добавил:

— Я из мусульманской семьи. Мой дед был муллой. Он учил меня: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк его». Я повторял эти слова каждый день. А потом, когда я заболел — бессонница, панические атаки, — дед сказал: «Молись, и пройдёшь». Не прошло. Я молился пять раз в день — и всё равно не мог спать. И тогда я возненавидел молитву. И Бога заодно.

— А теперь? — спросила Алиса.

— Теперь не знаю. Но когда вы лечили меня — вот этими руками, без молитв, без обрядов, — мне стало легче. Значит ли это, что Бог говорил через вас? Или что Бог вообще не нужен, а нужна просто человеческая доброта?

Повисла тишина. Потом Сергей повернулся к Георгию:

— Слушай, а вот ты говоришь — «нет Бога, кроме Аллаха». А моя бабушка говорила: «Господи Иисусе, помилуй». А буддисты вообще про Бога не говорят — они про просветление. И кто из нас прав?

— Может, все? — осторожно сказала Анна. — Может, Бог такой большой, что вмещает все имена?

— Не говори ерунды, — отрезал Сергей. — Если Бог один, то и путь к Нему должен быть один. Иначе это просто... ярмарка. Выбирай на вкус.

— А почему нет? — возразила Вера. — Почему Бог не мог открыться разным народам по-разному? Как солнце — оно одно, но в Индии оно светит иначе, чем в Сибири.

— Потому что тогда непонятно, где истина! — Сергей уже почти кричал. — Если все правы, то никто не прав!

— Тихо, — сказал я. Не громко, но так, что все замолчали. — Вы сейчас спорите о том же, о чём спорят люди уже тысячи лет. И этот спор — часть болезни. Той самой, от которой дрожит багровая нить. Вы чувствуете, что сейчас произошло? Только что вы были семьёй. А стали — противниками. Разделение. Оно проникает даже сюда.

Сергей отвёл глаза. Георгий вздохнул.

— Прости, — сказал он Сергею. — Я не хотел.

— Я тоже, — буркнул Сергей. — Просто... накалило.

Я видел, что эта вспышка не случайна. Багровая нить дрожала, и её дрожь отдавалась в сердцах людей — здесь, в Ольховке, и везде в мире. Разделение нарастало.

— «Есть три вида веры, — процитировала Алиса, пытаясь разрядить обстановку. — Вера-доверие, вера-убеждение и вера-принадлежность. Первая — это отношения с Богом. Вторая — картина мира. Третья — билет в сообщество. И когда третью путают с первой, случается беда».

Она посмотрела на меня.

— Нет, — я покачал головой. — Бабушка сказала бы проще: «Бог — не в церкви. Бог — в сердце. А церковь — это просто дом, где сердца собираются вместе. Если сердца пусты, то и дом пуст, сколько бы золота ни было на куполах».

В ту ночь мне приснился сон.

Я стоял в огромном зале без стен и без потолка — но это был не Хронос. Зал был заполнен людьми. Тысячами, миллионами. Они стояли плечом к плечу, но не соприкасались — между ними были невидимые стены. Индуисты с одной стороны, христиане с другой, мусульмане с третьей. Все смотрели в одну точку — туда, где на возвышении стояли семь фигур. Одна из них — крайняя справа — была тёмной. Не чёрной — багровой, как запёкшаяся кровь.

Фигуры говорили, но я не слышал слов. Я слышал только гул — тот самый, что вибрировал в Сахасаре и отдавался в Муладхаре. И вдруг земля под ногами треснула. Трещина прошла точно по линиям, разделявшим толпу: индуисты — отдельно, христиане — отдельно, мусульмане — отдельно. Люди закричали, но не могли перешагнуть через трещины — как будто невидимая сила держала их на местах.

Багровая фигура повернулась ко мне. У неё не было лица. Вернее, лицо было, но оно постоянно менялось. То инквизитор в капюшоне. То фанатик с горящими глазами. То догматик с книгой в руке. То кастовый жрец с жезлом. То раввин с суровым лицом. То монах, отвернувшийся от мира. То чиновник, зачитывающий приговор.

И голос — многоголосый, как у Септимуса до исцеления, только не страдающий, а торжествующий — произнёс:

— Ты думаешь, вера — это свет? Вера — это оружие. И я тот, кто его куёт. Я — тот, кто отделяет праведных от еретиков. Я — тот, кто даёт людям уверенность, что они правы. А ты — ты хочешь отнять у них эту уверенность. Ты хочешь сказать, что все пути равны? Это ложь! Истина одна, и я — её страж!

За его спиной, в глубине зала, я увидел ещё одну фигуру. Она была едва различима — не тёмная, не светлая, а прозрачная, как тень на закате. Странник в потёртом плаще, с посохом в руке. Он смотрел на меня — и молчал. Но в его молчании было больше слов, чем в крике багровой фигуры.

— Кто ты? — спросил я его беззвучно.

— Тот, кого изгнали, — ответил он так же беззвучно. — Тот, кто говорил о единстве. Найди меня. Я жду.

Я проснулся в холодном поту. Алиса уже не спала. Она сидела на кровати, и в её глазах был тот самый огонь, который я видел, когда она собиралась создавать нечто великое.

— Я знаю, кто это, — сказала она. — Вернее, что это. Это не один Архонт. Это Тёмная сторона всех Архонтов сразу. Они объединились. Или кто-то объединил их.

— Демииург, — прошептал я. — Демииург Разделения.

— И ещё я видела Странника. Он в пустыне. Ждёт.

— Я тоже его видел.

Я встал и подошёл к окну. Над садом занимался рассвет. Золотой, тихий, полный обещания. Но я видел — не Аджной, а сердцем, — как над этим рассветом натянуты семь нитей. И одна из них, багровая, дрожит. И от этой дрожи расходятся волны. И эти волны достигают земли — колокольным звоном без звонарей, спорами без слушающих, войнами без победителей.

В соседней комнате отец Михаил, которому мы постелили на ночь, метался во сне и что-то шептал.

— «Блаженны миротворцы, — процитировал я, глядя на рассвет. — Ибо они будут наречены сынами Божиими».

— Нагорная проповедь, — кивнула Алиса, подходя и кладя голову мне на плечо. — Но кто-то должен быть миротворцем. И, кажется, на этот раз это мы.

— Не в первый раз.

— Но, может быть, в самый трудный.

Она помолчала.

— Знаешь, что я вспомнила? Как мы встретились. Парк «Сокольники». Ты подошёл и сказал про ауру. Я подумала: «Станный тип». А потом ты сказал: «Я вижу свет». И я поверила. Не в Бога — в тебя. В то, что ты действительно видишь свет. Может быть, это и есть вера? Доверие к тому, кто видит свет, когда ты сам не видишь?

— Может быть, — ответил я. — «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Апостол Павел.

— Да. Осуществление ожидаемого. Мы ожидаем, что свет победит. И он побеждает. Не потому, что мы сильны. А потому, что мы доверяем.

Она взяла меня за руку, и мы стояли у окна, глядя, как солнце поднимается над яблонями. А где-то далеко — в храмах, мечетях, синагогах, пагодах — звонили колокола без звонарей. И мир, сам того не зная, стоял на пороге войны. Войны Веры.

Колокол звонит не для того, чтобы разбудить спящих. Он звонит для того, чтобы напомнить бодрствующим: время молитвы ещё не прошло. Даже если ты забыл слова. Даже если ты забыл, кому молишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.